

Анатолий Федорович Кони

Из студенческих лет

И. И. Лажечников и А. Ф. Вельтман

Кони А. Ф. Воспоминания о писателях.

Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова

Москва, издательство "Правда", 1989.

OCR Ловецкая Т. Ю.

Во время моего студенчества и некоторое время затем мне приходилось водить знакомство с такими москвичами, которые оставили свой заметный след в родном искусстве и литературе. Назову из них Верстовского (автора "Аскольдовой могилы"), Лажечникова, Вельтмана и знаменитого ветерана московской сцены М. С. Щепкина...

И_в_а_н_а_ И_в_а_н_о_в_и_ч_а_ Л_а_ж_е_ч_н_и_к_о_в_а_ я увидел впервые в половине пятидесятих годов у моего отца, связанного с ним старыми дружескими отношениями. Я уже успел прочесть "Басурмана", "Последнего Новика" и "Ледяной дом" и был под сильным впечатлением этих, замечательных для своего времени, романов, которые выгодно отличаются и от слезливой чувствительности произведений Загоскина и от многих из позднейших исторических повестей, где живое изображение лиц и страстей приносится обыкновенно в жертву археологическим и этнографическим подробностям.

Лажечников писал свой роман в такое время, когда на Руси, по отношению к _н_а_с_т_о_я_щ_е_й_ действительности, в юбилейных и ученых работах (других не существовало) не допускалось ничего, кроме умиления и официального показного восторга,-- а по отношению к _п_р_о_ш_л_о_м_у_ требовалось умолчание о его темных сторонах и во всяком случае полное отсутствие каких-либо выводов, которые напрашивались сами собою. Автор "Ледяного дома" понимал, что там, где нельзя делать в печати выводов, их должны заменять картины. В этом смысле роман Лажечникова представлял богатое поле для представления себе характера и значения потех ничем не обузданной власти, которая обращалась к отданному во власть временщику народу лишь за средствами и живым материалом для этих потех, предоставляя запуганному населению столицы любоваться бесчеловечским и длительным мучительством свадебной ночи придворного шута и карлицы-калмычки. Конечно, прекрасный образ Волынского, с любовью написанный автором "Ледяного дома", не полон,-- о темных сторонах службы и деятельности кабинет-министра императрицы Анны Иоанновны умолчано, и из борьбы его с Бироном вытравлены личные побуждения. По отношению к своему герою и его единомышленникам Лажечников стал в положение свидетеля, которому, по словам Спасовича, председатели ассизов будто бы предлагают поклясться "dire la vIritI, la pure vIritI, rien que la vIritI", но никогда не прибавляют: "toute la vIritI" {"Говорить правду, чистую правду, только правду" [но никогда не прибавляют:] " всю правду" (*фр.*)}. Трогательно описывая казнь последних, автор умалчивает о том, что они на пытке оговорили Волынского, но, несомненно, он глядел на этот гнусный способ добывания признания глазами Екатерины II, высказанном ею в завещании 1765 года по делу Артемия Волынского, а тщательное исследование казанского профессора Корсакова (1876 год) о Волынском, рисующее его в настоящем свете, не могло быть известно Лажечникову. Быть может, это объясняется и общим оптимистическим направлением Лажечникова, проявление которого мне приходилось подмечать не раз, но во всяком случае нельзя не признать, что Бирон, Волынский, Остерман, Эйхлер и другие написаны живыми и сочными красками и остаются жить в памяти читателя, а эпитафия из Рылеева к последней главе _п_е_р_в_о_г_о_ издания ("Отец семейства! приведи к могиле мученика сына: да закипит в его груди святая ревность гражданина!"), весьма, по тогдашнему времени, смелый, указывает и на движущую идею романа. Недаром "Ледяной дом" так повлиял на восприимчивого и талантливого Валерия Ивановича Якобия, что он увековечил его в замечательной картине, которая как бы сошла, во всех подробностях, со страниц романа. Тут и лежащая в постели мужеподобная, грузная, с тупым лицом Анна Иоанновна и сидящий в соседстве с нею, в небрежной позе, надменный и властный фаворит; его жена, прислуживающая государыне; и прыгающий чрез спину князя Голицына шут, и подносящий свои стихи Тредьяковский, и остановившийся в дверях негодующий Волынский. Понятно, с каким чувством смотрел я на автора -- подвижного старика, невысокого роста, с зачесанными на средину головы редкими седыми волосами, мягкими и добрыми чертами лица, с _м_о_л_о_д_ы_м_и_ светло-серыми, почти голубыми глазами и живую речь. Мне не раз приходилось присутствовать при его жалобах на тяжесть